

ник Института гуманитарных наук ТюмГУ. Вып. 10. Город как культурное пространство. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2012. С. 189-204.

4. «Квартира 12» // Областной бизнес-инкубатор. URL: <http://www.incubator72.ru/news/6874/> (дата обращения: 11.12.2014).
5. Курдюкова Л. А. Выпуск газеты: технология издания. Балашиха: ИСЭПиМ, 2010.
6. Маргарита Лебедева // Журнал ТМН. URL: <http://tmnfuture.1tmn.ru/profiles/55153/> (дата обращения: 11.01.2015).

Наталья
Петровна
ДВОРЦОВА

«ИРТЫШ, ПРЕВРАЩАЮЩИЙСЯ В ИПОКРЕНУ»: поэтический и геокультурный контекст

В статье на материале творчества А. П. Сумарокова, П. П. Сумарокова, И. Ф. Богдановича, Д. И. Хвостова и М. В. Ломоносова рассматриваются история и метаморфозы мотива (по)токов Иппокрены. Реконструкция поэтической традиции, связанной с трансформацией этого мотива в литературе XVIII в., позволяет интерпретировать журнал «Иртыш, превращающийся в Ипокрену» как геокультурный проект.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *мотив (по)токов Иппокрены, поэтическая традиция, журнал как геокультурный проект.*

Образы Иппокрены, Пегаса, Парнаса, Геликона, Кастальского ключа, безусловно, принадлежат к тем, которые принято называть «общими местами» (топосами) русской литературы. С этой точки зрения не является исключением и поэзия второй половины XVIII — начала XIX в., в частности творчество М. В. Ломоносова, Г. Р. Державина, А. П. Сумарокова, В. И. Майкова, И. Ф. Богдановича, Д. И. Хвостова и др.

На обложке «Иртыша, превращающегося в Ипокрену», как известно, напечатаны слова из «Фелицы» (1782) Державина, где есть и образ «Коня парнаска», Пегаса, от удара копыт которого на Геликоне и возникла струя Иппокрены.

К 1789 г., к моменту появления первого сибирского журнала, в поэзии сложилась традиция интерпретации образа Иппокрены, в незнании которой трудно заподозрить создателей журнала, в том числе его редактора П. П. Сумарокова, внучатого племянника А. П. Сумарокова, получившего хорошее домашнее образование.

Книга как сексуальный образ

В сущности, программа «Иртыша, превращающегося в Иппокрену» заложена уже в «Хоре к Парнасу» (1762-1763) А. П. Сумарокова:

*Лейтесь, токи Иппокрены,
Вы с Парнасския горы!
Орошайте вы долины
И прекрасные луга!
Наполняйтесь, россияне,
Теми сладкими струями,
Кои Греция пила,
И, имея на престоле
Вы Афинскую богиню,
Будьте афиняня вы!*

[Сумароков 1957: 282]

Имя А. П. Сумарокова в поэзии XVIII в. самым тесным образом было связано с мотивами Аполлона, Муз, Парнаса и Иппокрены. Так, В. И. Майков, ценитель и последователь его творчества, писал в «Оде о вкусе» (1776), посвященной А. П. Сумарокову:

*О ты, при токах Иппокрены,
Парнасский сладостный певец,
Друг Талии и Мельпомены...*

[Лиры и трубы 1984: 91]

Мотив (по)токов Иппокрены, которые должны «явиться» в холодной России, звучит в поэме И. Ф. Богдановича «Душенька» (1783):

*У хладных берегов обильной льдом Славены,
Где Феб туманится и кроется от глаз,
Яви потоки мне чудесной Иппокрены.
Покрытый снежными буграми здесь Парнас
От взора твоего растаивал не раз.*

[Богданович 1957: 46]

В поэме «Лишенный зрения Купидон», написанной П. П. Сумароковым в 1791 г. во время пребывания в Тобольске, есть прямая отсылка к этим строкам:

*О ты! что на Сибирь взираешь исподлобья!
Скажи мне, светлый Феб, за что до нас ты лих?
За то ль, что своего блестящего подобья
Не видишь здесь ни в чем, как лишь почти в одних
Льдяных сосульках
Да в таковых же пульках,
Которы бедная Аврора вместо слез,
От стужи плачуца, бросает к нам с небес?
Но кто ж виновен в том, коль сам ты нас не греешь?*

*Ты права не имеешь
Коситься так на нас.
Услышь же мой к тебе охрипый с стужи глас:
Пожалуй, сделай одолженье!
Просунь сквозь снежных туч
Хотя один свой луч
И мерзлое мое распарь воображенье.*

[Поэты 1790-1810-х гг.]

Интертекстуальные связи «Душеньки» и «Лишенного зрения Купидона» свидетельствуют по меньшей мере о знакомстве П. П. Сумарокова с темой метаморфоз Иппокрены в холодных сибирских пространствах.

Мотив явления в России (по)токов Иппокрены представлен в 1791 г., последнем году существования первого сибирского журнала и, возможно, не без его влияния, в произведении «Ода. Стихотворение» Д. И. Хвостова, известного современникам как «отчаянный строчкогон» и король графоманов:

*Я кротку вашу власть, союзы,
Намерен петь, любезны Музы,
Настройте лиру сами вы,
Возвысьте дух и крепость гласа,
Мне Иппокрену, холм Парнаса
Явите, Музы, близ Невы.
<...>
Законодавец Героиня,
Простря на всю Россию взор,
Рекла полных стран Богиня:
«Хочу, чтоб жил здесь Муз собор.
Сама к тому подам примеры,
Хочу, чтоб жили здесь Гомеры;
Пускай в струях Российских рек
Прольются Иппокренски воды...»*

[Цит. по: Бердников 2008]

Истоки всех этих мотивов явления потоков (токов, струй) Иппокрены на русской земле очевидны в творчестве М. В. Ломоносова, который уже в 1761 г. в стихотворении «Оставь, смущенный дух, презрение сует» писал:

*О вселюбезный Глас, животворяще Слово!
Я чувствую к стопам в себе стремленье ново.
Коль сильно Иппокрен в России потечет,
Когда напишется над ним Елисавет.*

[Ломоносов 1986: 277]

Поэтическая формула «Иртыш, превращающийся в Иппокрену», безусловно, включена в литературную традицию. Она содержит в себе ключевые смыслы мотива явления (по)токов Иппокрены в России:

Книга как геокультурный образ

- 1) связь поэзии и водной стихии, воды как космогонического начала [Аверинцев 1994: 240];
- 2) августейшее покровительство поэзии;
- 3) «превращение» (преображение) русской земли, которая, подобно Парнасу, Геликону (Греции), становится поэтическим пространством, империей поэзии.

Образ Сибири в поэзии рубежа XVIII-XIX вв. нередко исчерпывался двумя мотивами — холод и место ссылки. В 1773 г. в стихотворении «Неумеренность» И. Ф. Богданович как о чем-то банальном, общеизвестном пишет: «В Сибири холодно, в Китае больше преют...». В стихотворении В. В. Капниста «Другу сердца» (1806) читаем: «И ссылочной Сибири холод» [Сибирь в русской поэзии XVIII — начала XX в.]. Мотивы сибирского холода характерны для поэзии П. П. Сумарокова («Лишенный зрения Купидон»).

Очевидно, только в научном и художественном творчестве М. В. Ломоносова образ и тема Сибири носят, говоря современным языком, отчетливый геокультурный и геополитический характер. Речь идет о трудах М. В. Ломоносова, связанных с подготовкой экспедиции 1764 г. под руководством адмирала В. Я. Чичагова для отыскания морского пути из Архангельска через Северный Ледовитый океан к берегам Северной Америки и Камчатки. Таких трудов было два: 1) «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» (1763); 2) «Прибавление. О северном мореплавании на Восток по Сибир-

Л. Лар. ИДОЛЫ ХАНТЫ. 2014

скому океану» (1764). Воссоздавая историю чаще всего неудачных попыток обнаружения того, что сегодня называется Северный морской путь, Ломоносов на огромном количестве фактов обосновывает идею выхода России через Северный океан и Сибирь («совокупляя с морским ходом сухой путь по Сибири») в Японию, Китай, Индию и к западным берегам Америки. Он, в частности, пытается развенчать страх европейцев перед сибирским холодом. Мотив этот появляется уже в «Оде на день восшествия на престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1748 года», где о народах, населяющих Сибирь, Ломоносов пишет:

*Едва покров себе имея,
Смеются лютости борея...*

[Ломоносов 1986: 126]

Трактат 1763 г. Ломоносов заканчивает известными, широко цитируемыми (хотя обычно в сокращенном, искажающем мысль автора виде) словами: «...российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном и достигнет до главных поселений европейских в Азии и в Америке» [Ломоносов 1952: 498].

С открытием «желаемого пути, — утверждает Ломоносов, — России приобрести можно целые земли в других частях света для расширения мореплавания, купечества, могущества для государственной и государственной славы, для показания морских российских героев всему свету и для большего просвещения всего человеческого роду» [Там же: 497].

Образ Сибири в поэтических произведениях Ломоносова рождается на пересечении трех основных мотивов: 1) «пространность» (необъятность пространства) всей державы и Сибири в частности; 2) потаенность богатств (сокровищ), таящихся в этих пространственных землях («Богатство в оных потаенно»); 3) миссия российских Колумбов.

Особенно значимым мотив «пространности державы» является в «Оде на день восшествия на всероссийский престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года». Обращаясь к императрице, Ломоносов пишет:

*Пространная твоя держава
О как тебя благодарит!*

При этом пространственность державы осознается как ее сокровище:

*Толикое земель пространство
Когда Всевышний поручил
Тебе в счастливое подданство,
Тогда сокровища открыл,
Какими хвалится Индия...*

[Ломоносов 1986: 118]

Необъятность пространства в оде 1747 г. создается не только и не столько благодаря тому, что автор и читатели видят (зрят) «горы превысоки» («верьхи Рифейски»), «поля широки», сколько за счет перечисления вели-

Книга как сексуальный образ

ких российских рек: Волги, Днепра, Оби и Лены. В оде 1748 г. называется еще одна сибирская река — Енисей. Лена предстает как божественное чудо и сравнивается с Нилом:

*Но Бог меж льдистыми горами
Велик своими чудесами:
Там Лена чистой быстриной,
Как Нил, народы напояет
И бреги наконец теряет,
Сравнившись морю шириной.*

[Ломоносов 1986: 119]

Стоит отметить, что Иртыша в ряду рек, названных Ломоносовым, нет. Скорее всего, это связано с тем, что Иртыш, в отличие от других сибирских рек, не впадает в Северный Ледовитый океан и не связан с Северным морским путем, об открытии которого мечтал Ломоносов. Кроме того, Иртыш в поэзии рубежа XVIII-XIX вв. связан обычно с образом Ермака.

Ломоносов же смотрел не в прошлое (тема Ермака), а в будущее России, с этим связана тема российских Колумбов. В оде 1747 г. он называет Колумбом российским Витуса Беринга, открывшего пролив между Азией и Америкой:

*Колумб российский через воды
Спешит в неведомы народы...
[Там же]*

В поэме «Петр Великий» (1761) мысль Ломоносова о прирастании российского могущества Сибирью и Северным океаном приобретает завершенную поэтическую форму:

*Колумбы росские, презрев угрюмый рок,
Меж льдами новый путь отворят на восток,
И наша достигнет в Америку держава...
[Там же: 286]*

На первый взгляд, никакой связи между идеями Ломоносова о движении России на Восток и роли Сибири в этом движении и журналом «Иртыш, превращающийся в Ипокрону» нет. Тем более что большинство из напечатанных в журнале текстов были переведены с французского, т. е. журнал был ориентирован не на Восток, а на Запад, не в будущее, а в настоящее и прошлое (Ипокрона — знак античной культуры и французского классицизма).

Мысль Ломоносова, очевидно, шире и не замыкается антитезой Восток–Запад, речь идет об открытости России мировому пространству. Открытие пути на Восток, с точки зрения Ломоносова, послужит, в конце концов, «для большего просвещения всего человеческого роду». Стоит отметить, что создателями «Иртыша» Античность воспринималась как колыбель общечеловеческой культуры.

Сюжет превращения Иртыша в Иппокрену в контексте геополитических идей Ломоносова предстает как сюжет открытия всемирности Сибири, ставящий вопрос о ее месте в истории России и мира. Превращение Иртыша в Иппокрену есть не что иное, как расширение культурного пространства, сибирский путь к миру и в мире.

Топосы Иртыша и Иппокрены после закрытия первого тобольского журнала не исчезли из отечественной издательской и поэтической практики. С 1799 по 1801 г. в качестве приложения к газете «Московские ведомости», основанной Московским университетом в 1756 г., выходил литературный журнал «Иппокрена, или Утехи любословия». Журнал известен как издание сентименталистской направленности, воспевающее уединение, пасторальную идиллическую жизнь. Среди авторов — Г. Державин, В. Жуковский, А. Радищев, А. Тургенев и др. Первый выпуск журнала «Иппокрена, или Утехи любословия» за 1799 г. открывается программным стихотворением «К Иппокрене». Оно, в частности, свидетельствует о существенном различии Иппокрены сибирской и московской. Московская Иппокрена — «источник кроткий, благотворный», ток его — «чистейший, скромный», он льет «с прохладой нежность» в грудь человеческую. «Священная вода» его дарует «отраду», «забвение горести» и «утешенье». Московская Иппокрена утратила «пространность», мироустроительную мощь сибирской Иппокрены, воды которой поили не только создателей первого сибирского журнала, но и Ермака, присоединившего Сибирь к России и бесконечно расширившего русские пространства. Мироустроительной воли и мощи Ермака противостоит «стесненная душа» и «томная грудь» сентименталистского человека. Тема «сурового льдистого севера» как метафора России предстает поэтической формулой, если не штампом.

Объединяет обе Иппокрены мысль о преобразующей силе ее «живящей», «священной» воды, способной «очистить грубый вкус», улучшить «нравы» и «сердце», дать людям «отраду» и «счастье», преобразить жизнь, наполняющую бесконечные русские пространства.

К Иппокрене

*Источник кроткий, благотворный!
Щасливы люди там, где твой
Струится ток чистейший, скромный,
Поя живящей их водой.
Ты грубый вкус их очищаешь
Волшебным действием ея;
Ты нравы, сердце улучшаешь
С прохладой нежность в грудь лия.
И я твоей воды священной
Испив — отраду ощутил*

Книга как геокультурный образ

*В душе моей... увы!.. стесненной, —
И часть мою благословил
Подобно Лете, ты в забвенье
Приводишь горести одной
Лишь каплею — и утешенье
Прольется в томну грудь рекой.
Теки, теки, источник чистый
К отраде, счастью людей;
И север наш, суровый, льдистый,
Струею напои своей!*

[К Иппокрене 1799: 5]

В XX в. сохранится традиция давать литературным журналам названия великих русских рек: «Волга» (Саратов), «Дон» (Ростов-на-Дону), «Нева» (Ленинград, Санкт-Петербург), «Десна» (Брянск), «Ангара» (Иркутск) и др.

В Сибири, на рубеже XX-XXI вв. топоним Иртыш появился в заглавиях двух периодических изданий: 1) альманаха «Иртыш», печатавшегося в Омске областной писательской организацией с 1991 по 1997 г.; 2) молодежного журнала «Иртыш-Омь», существовавшего в Омске в 2011 г. Оба издания осознавали свою связь со знаменитым предшественником XVIII в., однако столь серьезной издательской задачи, как у него, перед собой не ставили.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аверинцев С. С. Вода // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. Т. 1. М., 1994.
2. Бердников Л. Графомания, или первый из многих. Эволюция творчества графа Хвостова // Новая юность. 2008. № 6. URL: http://magazines.russ.ru/nov_yun/2008/6/be7.html
3. Богданович И. Ф. Стихотворения и поэмы. Л., 1957. URL: http://az.lib.ru/b/bogdanowicha_i_f/text_0030.shtml
4. К Иппокрене // Иппокрена, или Утехи любословия. М., 1799. Ч. 1.
5. Лиры и трубы. Русская поэзия XVIII в. Свердловск, 1984.
6. Ломоносов М. В. Избранные произведения. Л., 1986. URL: <http://www.rvb.ru/18vek/lomonosov/>
7. Ломоносов М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Полное собрание сочинений. Т. 6. М.; Л., 1952. URL: <http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/lo0/lo6/LO6-417-.HTM>
8. Поэты 1790-1810-х гг. Л., 1971. URL: http://www.rvb.ru/18vek/poety1790_1810/toc.htm
9. Сибирь в русской поэзии XVIII — начала XX в.: пространственный образ в свете исторической поэтики. URL: <http://russlit.utmn.ru/sec/156>
10. Сумароков А. П. Избранные произведения. Л., 1957. URL: <http://www.rvb.ru/18vek/sumarokov/>